

Василий Розанов

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Опавшие листья

Розанов утверждает новый вид литературы — спонтанной, обрывочной, интимной, практически домашней, где истончается граница между автором и читателем.

Но, пытаясь преодолеть традиционную литературу, писатель ощущает, как литература преодолевает его самого.

альпина
ПРОЗА

ПОЛКА

Василий Васильевич Розанов
Опавшие листья
Серия «Главные книги русской
литературы (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70165207
Опавшие листья: Альпина Паблишер; Москва; 2024
ISBN 9785961491753

Аннотация

Розанов утверждает новый вид литературы – спонтанной, обрывочной, интимной, практически домашней, где истончается граница между автором и читателем. Но, пытаясь преодолеть традиционную литературу, писатель ощущает, как литература преодолевает его самого.

Содержание

Предисловие «Полки»	12
Опавшие листья	49
Короб первый	50
Конец ознакомительного фрагмента.	85
Комментарии	

Василий Розанов

Опавшие листья

Текст печатается по изданию: Розанов В. В. Опавшие листья. – М.: Современник, 1992.

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта Е. Кунина

Корректоры Т. Редькина, А. Кондратова

Компьютерная верстка А. Абрамов

Художественное оформление и макет Ю. Буга

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование элек-

тронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Рыжова П., предисловие, 2022

© ООО «Альпина Паблишер», 2024

* * *

Василий Розанов

Опавшие листья

ПОЛКА

альпина

ПРОЗА

Василий Розанов.

Около 1910 года. © РИА «Новости»¹

¹ Василий Розанов. Около 1910 года. © РИА «Новости».

Предисловие «Полки»

Розанов утверждает новый вид литературы – спонтанной, обрывочной, интимной, практически домашней, где истончается граница между автором и читателем. Но, пытаясь преодолеть традиционную литературу, писатель ощущает, как литература преодолевает его самого.

Полина Рыжова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Собрание разрозненных афоризмов, провокационных суждений и интимных признаний, в котором Розанов предстает то набожным семьянином, то бунтарем и богоборцем. За этими масками (или состояниями души) скрывается главная драматическая коллизия «Опавших листьев»: страстная любовь к жизни наталкивается на парализующий страх смерти, своей и близких.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Тексты, составившие «Опавшие листья», Розанов написал в 1912 году. На их содержание и интонацию повлияли события личной жизни писателя: ухудшающееся после паралича здоровье его фактической жены Варвары Бутягиной, смерть ее матери Александры Рудневой, с которой Розанов был очень близок, опасная болезнь приемной дочери Саши. В этот же год Розанов ходит в окружной суд, пытаясь отстоять арестованный тираж «Уединенного» – своей первой книги в исповедально-дневниковом стиле, откровенность которой повлекла за собой обвинения в порнографии и разгромные отзывы критиков.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Розанов создал не только новый жанр, но и новый вид литературы – до него таких книг еще не писали. Фрагменты «Опавших листьев» создавались непреднамеренно, между делом: на прогулке, в гостях, «за набивкой табаку» или поеданием арбуза. Розанов записывал свои рассуждения на обрывках бумаги, оборотах писем, визитных карточках и бросал их в одну кучу, не перечитывая. В книге нет общего замысла, темы или сюжета, она выглядит как дневник, созданный не для печати, а для себя и самых близких: здесь много сокращенных имен, названий, неточных цитат, намеков, непонятных широкой публике. Также здесь нет видимого порядка, системы (а в первом томе «Листьев» отсутствует и базовая хронология), что передает ощущение естественного течения жизни, где прошлое тасуется с настоящим, высокое – с низким, важное – с пустяковым. Зинаида Гиппиус, бывшая соратница писателя по Религиозно-философским собраниям², так охарактеризовала стиль розанов-

² Цикл встреч писателей и философов с представителями православного духовенства, организованный в 1901 году. На них обсуждались отношения Церкви с государством, интеллигенцией, взгляды православия на брак, свободу совести. Среди членов-учредителей были Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Дмитрий Философов, Василий Розанов, Александр Бенуа. Закрылись собрания в 1903 году постановлением обер-прокурора Синода Константина Победоносцева.

ских «миниатюр»: «Это – то, что мы, каждый из нас, если думает, – не записывает, а если и запишет по привычке к перу, то или разорвет, или, сам страшась перечесть, – запрятает подальше, навсегда»^[1]. При этом розановские записи исключительно музыкальны, художественно точны и обезоруживающе интимны. Андрей Синявский писал, что при чтении «Опавших листьев» можно почувствовать тепло пальцев автора, «это даже не книга, а часть человека»^[2].

Точное изображение барышни Рисунок Василия Розанова. Из книги Алексея Ремизова «Кукха»³

³ Точное изображение барышни. Рисунок Василия Розанова. Из книги Алексея Ремизова «Кукха» ИРЛИ.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

«Опавшие листья» печатались в типографии Алексея Суворина (в суворинской газете «Новое время» Розанов к тому моменту проработал 14 лет). Первый том (получивший название «первого короба» после выхода второй части) вышел весной 1913 года тиражом в 2400 экземпляров, «короб второй и последний» – тиражом в 2450 экземпляров летом 1915 года. Решение опубликовать «Листья» Розанову далось нелегко, он колебался, уже даже сдал рукопись в типографию. Своими сомнениями писатель делился в письме Павлу Флоренскому⁴: «Какой-то инстинкт говорит мне, дорогой П. А., что 2-го “Уедин.” печатать не надо и невозможно. <...> Объективно: можно в такой скандал залезть и таких оплеух наполучать “в наш прозаический век” со “своими интимностями”, что “мое почтение”. Субъективно – весьма легко впасть в литературный онанизм, коим я вряд ли уже не страдаю»^[3]. Изданные книги продавались плохо, почти

⁴ Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – священник, богослов, философ. Принял сан в 1911 году, в последующие годы написал ряд религиозно-философских работ («Столп и утверждение истины», «Очерки философии культуры», «Иконостас»). После революции занимался физикой и математикой, работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1933 году Флоренский был арестован и отправлен по этапу, последние годы вплоть до расстрела провел на Соловках. Василий Розанов называл Флоренского «Паскалем нашего времени».

вся выручка уходила на погашение долгов перед типографией. Примечательно, что издания, по меркам книжного рынка того времени, стоили дорого (2 рубля 50 копеек первый том и 2 рубля второй), на что Розанову неоднократно жаловались читатели.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

На систему образов Розанова и парадоксальный ход его мысли определенно оказали влияние произведения Достоевского, которые сам писатель очень ценил. Некоторые смелые мысли автора «Опавших листьев», в частности о женственности еврейства, гомосексуальности, сопоставлении полов, пересекаются с идеями австрийского философа Отто Вейнингера⁵ из книги «Пол и характер» (1902). Сам Розанов с книгой был знаком, но влияние Вейнингера на себя отрицал. Алексей Ремизов в качестве возможных претекстов «Листьев» упоминал «Исторические афоризмы» историка и славянофила Михаила Погодина: «...самая мысль о форме “Опавшие листья” Погодинская, так сам Погодин в дневнике записал о происхождении первого тома своих истори-

⁵ Отто Вейнингер (1880–1903) – австрийский философ. Книгу «Пол и характер» Вейнингер написал в 1902 году. В ней он утверждал, что мужское и женское начала напрямую связаны с душой человека и характером целой нации. При этом мужской тип, по его мнению, был положительным, а женский – отрицательным. В возрасте 23 лет Вейнингер застрелился, что добавило его труду скандальной известности.

ческих исследований – “груда листков и обрывышков”»^[4]. По духу же и языку рукописная литература Розанова напомнила Ремизову сочинения протопопа Аввакума: “Розановский стиль” – это самое “юрродство”... идет прямой дорогой от “вяканья” Аввакума из самой глубины русской земли»^[5].

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Пресса отозвалась на выход что первого, что второго короба «Опавших листьев» серией уничижительных статей, стоит пробежаться хотя бы по заголовкам: «Обнаженность под звериною шкурой», «Философ, завязший ногой в своей душе», «Вместо демона – лакей», «Гнилая душа», «Позорная глубина». Общим местом в отзывах на розановские книги стало сравнение писателя с Передоновым из романа Федора Сологуба «Мелкий бес» и Смердяковым из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Небольшую положительную, хотя и осторожную, рецензию на первый короб опубликовал в «Новом времени» первый издатель Розанова Петр Перцов⁶: «Удивительная, странно-единственная книга, как стра-

⁶ Петр Петрович Перцов (1868–1947) – поэт, литературный критик, издатель. С 1892 года начал сотрудничать с журналом «Русское богатство», печатал стихи в газете «Неделя» и журнале «Северный вестник». Издавал сборники поэтов-символистов, критических работ Мережковского, статей Розанова («Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Литературные очерки»). Был редактором литературно-философского журнала «Новый путь» и литературного приложения газеты «Слово». После революции работал в музейном отделе Нар-

нен единственный в своем роде ее автор»^[6]. Благожелательные отзывы на розановские сочинения чаще встречаются в частной переписке. К примеру, в письме к Розанову лестно отозвался об «Опавших листьях» литературовед Михаил Гершензон⁷: «Вы сами знаете, что книга Ваша – большая книга, что, когда будут перечислять те 8 или 10 русских книг, в которых выразилась самая сущность русского духа, не миновать будет назвать “Опавшие листья” вместе с “Уедин.”»^[7]. В частном письме, несмотря на натянутые отношения с автором, книгу хвалил Александр Блок: «Сколько там глубоко о печати, о литературе, о писательстве, а главное – о жизни»^[8]. Сам Розанов внимательно следил за отзывами на свои сочинения и негодовал, почему никто из рецензентов не подметил главной, по его мнению, заключенной в них удачи: “Уед.” и “Оп. л.” открыли настоящую литературу, единственную с правом на бытие литературу самоотрицающую и вместе с тем через это именно самоутверждающую»^[9].

компроса, писал мемуары.

⁷ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) – литературовед, публицист. Писал рецензии для «Русских ведомостей», «Русской молвы», «Биржевых ведомостей», был редактором литературного отдела «Вестника Европы», «Критического обозрения», «Научного слова». В 1909 году инициировал издание сборника «Вехи» и выступил автором вступительного слова к нему. Наиболее известны литературоведческие работы Гершензона о Пушкине, Тургеневе и Чаадаеве.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После смерти Розанова в 1919 году Эрих Голлербах⁸, давний корреспондент Розанова и автор его первой биографии, организовал кружок по изучению творчества писателя, куда вошли Андрей Белый, литературные критики Виктор Ховин⁹, Аким Волынский и Николай Лернер¹⁰. Кружок стал ча-

⁸ Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) – искусствовед, литературный критик, библиограф. После революции работал в Русском музее, Госиздате, Ленинградском институте книговедения. Писал работы о Розанове, Алексее Толстом, Рерихе, Ахматовой. Исследовал историю гравюры и литографии в России, портретную живопись XVIII века. В 1933 году его арестовали по делу Иванова-Разумника, но вскоре оправдали. Умер Голлербах во время эвакуации из блокадного Ленинграда.

⁹ Виктор Романович Ховин (1891–1944) – литературный критик и издатель. Ховин был близок к эгофутуристам круга Игоря Северянина: под его началом издавался критический альманах «Очарованный странник», вышел поэтический сборник «Мимозы льна». После революции Ховин выпускает журнал «Книжный угол», где публиковались Юрий Тынянов, Виктор Шкловский, Василий Розанов. Последний становится одним из главных литературных интересов Ховина – он издает книги Розанова и основывает кружок по изучению его творчества. В 1924 году критик эмигрировал, во Франции основал собственное издательство. Во время войны Ховина депортировали в Освенцим, где он погиб.

¹⁰ Николай Осипович Лернер (1877–1934) – литературовед. Печатался в «Русском архиве», «Русской старине», «Современнике», «Вестнике Европы», «Биржевых ведомостях». Автор работ об Александре Пушкине, за книгу «Труды и дни Пушкина» получил премию Пушкинского лицейского общества. В 1931 году его арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации и скупке музейных ценностей, но оправдали.

стью петроградской Вольной философской ассоциации, которую власти разогнали уже в 1924 году. Зато интерес к Розанову расцвел в среде русской эмиграции: Ховин, считавший себя «убежденным розановцем», уехал в Париж и переиздал там «Уединенное», воспоминаниями о писателе активно делились Зинаида Гиппиус, Николай Бердяев, Владислав Ходасевич, Алексей Ремизов написал книгу-портрет Розанова под названием «Кукха», а журнал «Версты»¹¹ опубликовал предсмертную розановскую книгу «Апокалипсис нашего времени», воспринятую эмиграцией как пророчество и интонационно повлиявшую на многие тексты русского зарубежья, в частности на «Распад атома» Георгия Иванова.

¹¹ Журнал русского зарубежья, издававшийся в 1926 по 1928 год в Париже. Его название отсылает к одноименному сборнику Марины Цветаевой. В редакцию входили Дмитрий Святополк-Мирский, Петр Сувчинский, Сергей Эфрон. В журнале публиковались «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» с примечаниями Алексея Ремизова, стихи Марины Цветаевой, рассказы Исаака Бабеля, статьи философа Льва Шестова. Всего вышло три номера журнала.

Дом священника Андрея Беляева в Сергиевом Посаде, где жил Розанов с 1917 по 1919 год¹²

В позднем СССР чтение Розанова стало знаком принадлежности к неофициальной культуре: в 1973 году Венедикт Ерофеев опубликовал в православном самиздатовском журнале «Вече»¹³ эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика», в котором розановские сочинения спасают лирического ге-

¹² Дом священника Андрея Беляева в Сергиевом Посаде. Из открытых источников.

¹³ Самиздатский журнал, издававшийся в СССР с 1971 по 1974 год. Его основателем и главным редактором был историк Владимир Осипов. Позиционировался как «русский неподцензурный машинописный православный патристический журнал». Несколько номеров «Вече» было переиздано за границей издательством «Посев».

роя Ерофеева от самоубийства. В 1982 году, уже в Париже, Андрей Синявский выпустил отдельную книгу об «Опавших листьях», где показал, что Розанов оставил миру не систему мыслей, а уникальный образ мышления, «самый процесс мысли». Пытаясь воссоздать этот процесс, писатель Дмитрий Галковский в начале 1990-х создал «Бесконечный тупик» – масштабный гипертекст, состоящий из разрозненных околολитературных эссе. Тысячестраничная книга Галковского выросла из небольшой статьи о Розанове под названием «Закругленный мир».

Из сегодняшнего дня «рукописная литература» Розанова кажется своеобразным провозвестником стилистики социальных сетей: и в содержании, нарочито интимном, разношерстном, и в форме – в розановских «листочках» есть даже прототипы современных «статусов», в которых уточняется, где, когда и в каком состоянии духа сделана та или иная запись.

ЧТО ОРИГИНАЛЬНОГО СДЕЛАЛ В ЛИТЕРАТУРЕ РОЗАНОВ? ЧЕМ ЭТИ «ЛИСТЬЯ» ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ОБЫЧНОГО ДНЕВНИКА?

«Листья» или «листки» – спонтанные лирико-философские записи, передающие мимолетное состояние души.

Сам Розанов настаивал на уникальности найденной им литературной формы: «Это нисколько не “Дневник”, и не “Мемуары”, и не “раскаянное признание”: именно и именно только “листы”, “опавшие”, “было” и “нет более”, “жило” и стало “отжившим”»^[10]. Первой книгой в этом жанре стало «Уединенное», вышедшее в 1912 году, но нащупывать жанр Розанов начал гораздо раньше: в 1890-х он печатал в периодике миниатюры, обозначенные им как «эмбрионы»; в частности, самый известный афоризм Розанова про варенье и чай («Что делать? – спросил нетерпеливый петербургский юноша. – Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай») относится именно к «эмбрионам», напечатанным в 1899 году в сборнике статей «Религия и культура». Признавая сходство между «эмбрионами» и «листьями», Розанов все же проводит принципиальную границу между двумя жанрами: первые обращены к читателю, а вторые существуют, этого читателя как бы не замечая.

Важно, что до открытия новой литературной формы, в которой он будет работать до конца жизни, Розанов никогда не писал собственно художественных книг – только публицистику, эссеистику и философские трактаты. Андрей Синявский сопровождал этот факт любопытным сравнением: «Ведь это все равно, как если бы, допустим, Гегель, под старость, перешел на стихи. Причем именно стихи оказались бы наилучшей, исчерпывающей формой его философской ра-

боты»^[11].

Большое значение в жанре «листочков» имеет их необычное внешнее оформление. Миниатюра обычно заканчивается заключенной в скобки пометкой о том, когда, в каких условиях и на чем она писалась, при этом текст и примечание к нему нередко входят в комическое противоречие. К примеру, возвышенный и сентиментальный пассаж о любви («Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь») Розанов обрывает сообщением, что текст был записан «в ват...», то есть в ватерклозете. Смысл подобных контрастов автор объяснял в издательском послесловии первого короба «Опавших листьев»: с точностью указывая везде «место и обстановку пришедших мыслей», он хотел показать, что сознание человека нередко находится в разрыве с ощущениями.

Для «листочков» характерно большое количество сокращений: где-то это сделано для удобства и скорости письма (например, «Уед.» – «Уединенное»), где-то в силу нежелания Розанова прямо оскорбить упоминаемых им людей («о поэте Б-те» – Константине Бальмонте), где-то условное сокращение обозначает сакральное для писателя понятие, которое ему не хочется лишний раз называть («Б.» – Бог; крестик вместо «смерти»). Вообще «листки» пестрят подчеркиваниями, курсивом, жирными начертаниями, кавычками, скобками, значками – все это создает у читателя ощущение рукописного, «домашнего» текста. Эрих Голлербах ви-

дел в графическом оформлении розановских книг принципиальное значение: «В его писаниях много чисто “литературного” в буквальном смысле слова “littera”: их нужно воспринимать непременно зрительно, со всеми сносками, примечаниями, скобками, кавычками и пр. Одного слухового восприятия было бы недостаточно. Будучи прочитаны “*ex-cathedra*”¹⁴, писания Розанова много проиграли бы в своей выразительности»^[12].

На создание эффекта рукописности работают и семейные фотографии, напечатанные в первом издании обоих коробов «Опавших листьев»: на них изображены жена писателя, дети, теща (при этом нет ни одного портрета самого Розанова). Виктор Шкловский обращал внимание на интересную деталь: некоторые из снимков напечатаны в книге без подписи и отступа от края листа, от этого кажется, что перед нами настоящие фотографии, вложенные в книгу.

ЧЕМ «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ОСТАЛЬНОЙ «РОЗАНОВСКОЙ ЛИСТВЫ»?

Двухтомник «Опавших листьев» – наиболее полная книга Розанова, позволяющая узнать мнение автора по самому

¹⁴ С кафедры (*лат.*). В католичестве означает официальную позицию папы по вопросам веры и нравственности. В переносном смысле – нравоучительный тон.

широкому кругу вопросов: от литературы и политики до цен в аптеках и привлекательности женской груди. В отличие от камерного дебютного «Уединенного», где само название предполагает концентрацию на личных ощущениях, «Листья» больше обращены к миру. Эта книга бескомпромисснее (Павел Флоренский жаловался, что в ней преобладает ругательный тон) и откровеннее. Розанов, несколько не смущенный обвинением в порнографии после издания «Уединенного» («Запретили^[13] за «е... м<ать>» и «ж<опу>», микву¹⁵ и попа с фаллом in statu erectionis in temple»¹⁶), в последовавших за ним «Опавших листьях» только обостряет скандальные рассуждения на тему пола – выводит математические формулы «возраста совокупления», рассуждает о феномене многомужества у крестьянок и предлагает легализовать проституцию.

После 1912 года Розанов продолжил работать в жанре «листочков», создав сборники «Сахарна», «Мимолетное», «Последние листья», «Апокалипсис нашего времени», но именно «Опавшие листья» стали его каноническим текстом. Философ и историк Георгий Федотов¹⁷ считал эту

¹⁵ В иудейской традиции – водный резервуар для омовения. Миквой пользуются после «осквернения тела» – прикосновения к мертвецу или мертвым животным, семяизвержения, менструации, заражения проказой или гонореей.

¹⁶ В состоянии эрекции в храме (лат.) правильно – «in templo».

¹⁷ Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – историк, философ, публицист. В 1905 году был арестован за участие в социал-демократическом кружке и выслан в Германию. После возвращения в Россию преподавал историю Средних

книгу самой зрелой из всех розановских сочинений: здесь «в предчувствии гибели, но все еще отрочески влюбленный в жизнь, в мельчайшие ее явления, Розанов достигает предельной, метафизической зоркости».

Редакция газеты «Новое время». 1916 год. Василий Розанов шестой слева в последнем ряду¹⁸

веков в Петербургском университете. В 1925-м получил разрешение посетить Германию для исторических исследований и в Россию не вернулся. С 1926 по 1940 год был профессором Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. Редактировал эмигрантский общественно-философский журнал «Новый град». В годы немецкой оккупации переехал в США.

¹⁸ Редакция газеты «Новое время». 1916 год. Российская государственная библиотека.

РОЗАНОВ НАЗЫВАЛ БЕЗДЕТНУЮ ЖЕНЩИНУ ГРЕШНИЦЕЙ. ОН ПРОПОВЕДОВАЛ ИДЕАЛЫ ДОМОСТРОЯ?

Разве что домостроя особенного, розановского. На страницах «Опавших листьев» можно часто встретить рассуждения о предназначении женщин, которые выглядят дремучими даже для начала XX века: «Девушки... вы посланы в мир животом, а не головой», «Судьба девушки без детей – ужасна, дымна, прогоркла». Но эти суждения, как и все другие розановские провокации, не стоит воспринимать в отрыве от контекста его философии. Говоря о важности материнства, Розанов не пытался указать женщинам на их место, он был заморожен самой магией деторождения и женщинами как существами, этой магией владеющими. При всей наружной консервативности в некоторых аспектах «женского вопроса» Розанов выступал даже с революционными идеями: например, в тех же «Опавших листьях» предлагал установить возраст, по истечении которого незамужняя девушка имеет право заниматься сексом и заводить ребенка, не боясь общественного порицания («Как вы убедите девушку, что ей “не дозволено” и она не может иметь детей, не “дождавшись” мужа, когда она “его ждала” до 25, до 30, до 35 лет: и, наконец, до каких же пор “дождаться” – до прекращения месячных, когда рождение уже невозможно???»).

В розановской философской системе иметь детей положено всем, разве что кроме «людей лунного света», особенной категории людей, не чувствующих влечения к противоположному полу. Розанов одним из первых в России заговорил о метафизике гомосексуальности. Полагая, что мужчина и женщина находят свое продолжение друг в друге, он видел в гомосексуалах личностей, изначально обладающих внутренней целостностью, и именно этим объяснял их ярко выраженную талантливость: «Оттого происходит даровитость их, что у них семя полностью всасывается в кровь и оталантливает ее, сообщает ей пылание, и через нее – мозгу. Такие люди суть “окрыленные”»^[14].

Розанов, рассуждая о сексе в недопустимых для его времени подробностях, ставил себе целью не шокировать обывателя (ну разве только чуть-чуть, из литературного хулиганства), а показать, что в половой жизни нет ничего априорно дурного и предосудительного. Зинаида Гиппиус писала, что Розанов так боролся с «общим убеждением, в кровь и плоть вошедшим, что “пол – грязь”»^[15]. В его сочинениях утверждалось совсем другое сопоставление – «пол – Бог», Розанов раскрывал божественную природу сексуальности, которую он соотносил с философией Ветхого Завета («плодитесь и размножайтесь»), иудаизма и других древних религий. Несмотря на стройность и разработанную систему аргументов, современники воспринимали розановскую «теорию пола» скептически, считая, что автор ее – просто-напросто

эротоман.

Однако в философии Розанова сам секс не так существен, он важен как основание семьи. Именно в семье автор «Опавших листьев» видел идеал существования и главную ценность человеческой жизни, которая способна исправить греховную природу человека. Увы, семья самого писателя еще при его жизни практически распалась, и никто из его детей не имел потомства: первая дочь Надя умерла в младенчестве, сын Василий умер от гриппа, дочь Вера после смерти отца повесилась, Варя скончалась в лагерной больнице, старшая Надя умерла в 55 лет. До глубокой старости дожила только любимая дочь Розанова Татьяна, оставившая об отце много ценных воспоминаний: «Ему больше всего хотелось, чтобы у нас были патриархальные семьи и много детей. Бедный папочка, самое главное его желание не исполнилось...»^[16]

О КАКОМ «ДРУГЕ» В «ОПАВШИХ ЛИСТЬЯХ» ПОСТОЯННО ИДЕТ РЕЧЬ?

Розанов имеет в виду свою фактическую жену Варвару Бутягину, урожденную Рудневу. Он познакомился с ней в конце 1880-х годов в Ельце, где в то время служил учителем географии и истории в мужской гимназии. Бутягина была 21-летней вдовой священника с маленькой дочерью на руках. Розанов не раз отмечал, что чувства к молодой вдове

возникли во многом из-за ее рассказов о любви к первому мужу: «Я влюбился в эту любовь ее и в память к человеку, очень несчастному (болезнь, слепота), и с которым (бедность и болезнь) очень страдала»^[17]. В 1891 году пара обвенчалась, но тайно – без свидетелей и записей в церковной книге, под условием немедленно покинуть Елец. Секретность объяснялась тем, что Розанов к тому времени уже был женат.

Будучи еще студентом, он женился на сорокалетней писательнице Аполлинару Суловой, бывшей любовнице Достоевского. Брак с ней оказался сущим мучением для Розанова, литературовед и богослов Сергей Дурылин так вспоминал об их семейной жизни: «Несмотря на “романтику”, на “Достоевского”, он-то искал брака не по психологии, а по онтологии, а сам оказался в плену у брака по психопатологии». Сулова сама бросила мужа, но не соглашалась на развод на протяжении двадцати лет, из-за чего дети от брака с Бутягиной долгое время не могли получить фамилию отца, а сам писатель, если бы открылась правда о тайном венчании, мог бы отправиться в ссылку из-за двоеженства. Вероятно опасаясь именно такого исхода, Розанов в своих «листочках» называет Бутягину не женой, а «другом» или «мамочкой».

Писатель придавал отношениям с ней огромное значение, считал, что обязан ей духовным перерождением и появлением самых важных тем в своем творчестве. Значительная часть «Опавших листьев» занята признаниями «другу»

в вечной любви и опасениями за его здоровье. В 1910 году из-за запущенного сифилиса у Бутягиной произошел паралич, левая часть тела потеряла чувствительность и способность двигаться (от прогрессивного паралича, вызванного сифилисом, умер и первый муж Бутягиной^[18]). В том, что долгое время болезнь не могли правильно диагностировать и шанс на выздоровление был упущен, Розанов винил лично себя: «И вот эта мука: друг гибнет на моих глазах и, в сущности, по моей вине. Мне дано видеть каждый час ее страдания, и этих часов уже три года. И когда “совесть” отойдет от меня: оставшись без “совести”, я увижу всю пучину черноты, в которой жил и в которую собственно шел».

Жгучее ощущение вины, вероятно, объясняется не только выбором неправильных врачей для жены: писатель изменял Бутягиной. В письмах Флоренскому Розанов часто рассуждал о своих телесных (бисексуальных) «опытах», при этом он то отстаивал их необходимость, потому что они помогали ему в обосновании «теории пола», то сильно их стыдился. В письме от 17 января 1916 года писатель так объяснял свое отношение к изменам: «Я – расплывчатый, “вата”, “все лезет”, “говно”, но параллельно же растягиваюсь на весь мир и “езде меня хватает”, и на Варю (мою и до известной степени “единственную”, solo), и на Валю, и проч. <...> В “вату” меня Бог и устроил для понимания этой единственной в мире психологии, где “верность” и “неверность” так переплетаются, что не противоречат друг другу»^[19].

В «Опавших листьях» образ умирающего «друга» – главная антитеза лирического героя Розанова, воплощенный немой укор ему. О самом близком и любимом человеке здесь не говорится практически ничего характерного и определенного (если не принимать во внимание медицинские сводки о здоровье), для читателя Бутыгина предстает не живой женщиной, а именно «совестью», чье скорое исчезновение из жизни автора и образует главную сюжетную нить книги. В реальности Варвара Бутыгина умерла только в 1923 году, пережив Василия Розанова на четыре года.

ЭТО ПРАВДА, ЧТО РОЗАНОВ БЫЛ ЯРЫМ АНТИСЕМИТОМ И ОПРАВДЫВАЛ ПОГРОМЫ?

Было и такое. При этом он умудрялся быть анти- и фило-семитом одновременно.

Розанов увлекся еврейским вопросом еще во второй половине 1890-х, особенностям иудейского быта, устройства семьи, культовых обрядов он посвятил целый ряд статей и книг. В сборнике «В темных религиозных лучах» (1909), пожалуй своей самой антихристианской книге, писатель вывел, что «еврей есть душа человечества, его энтелехия¹⁹». Именно в иудаизме Розанов видел отражение своей «теории

¹⁹ Согласно философии Аристотеля, внутренняя сила, заключающая в себе и цель, и конечный результат.

пола» и признавался, что любит евреев «физиологически» и «художественно»^[20]. Но со временем тон рассуждений начал меняться: писателя все больше беспокоило возрастающее участие евреев в общественной жизни, поворотным событием для него стало убийство в 1911 году Петра Столыпина евреем-анархистом Богровым. В письме Михаилу Гершензону Розанов писал: «Это – простите – нахальство натиска, это “по щеке” всем русским – убило во мне все к ним, всякое сочувствие, жалость»^[21]. Антисемитский пафос хорошо чувствуется в «Опавших листьях», самой христианской книге Розанова, – здесь и о России, «обглоданной евреями», и о «липкости еврейских пальцев», о «захватанной» евреями литературе. Признавая еврейские погромы «грехом», Розанов все же пытался найти им оправдание: «Погром – это конвульсия в ответ на муку. Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут, – и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножка мухи захвачена в петельку. И паук это знает. Крики на погромы – риторическая фигура страдания того, кто господин положения». При этом юдофобские выпады в «Опавших листьях» настолько страстные, что чаще всего напоминают изощренные признания в любви: «Вопрос “об евреях” бесконечен: о нем можно говорить и написать больше, чем об Удельно-вечевом периоде русской истории. Какие “да!” и “нет!”»

В сентябре 1913 года в Киеве начался громкий судебный процесс над евреем Менделем Бейлисом, обвиненным в ри-

туальном убийстве двенадцатилетнего русского мальчика. Розанов выступал в печати сторонником кровавого навета²⁰, из-за чего от него отвернулось большинство друзей и недавних единомышленников, а Религиозно-философское общество в Петербурге исключило его из числа своих участников. В это время Розанов написал свою самую скандальную антисемитскую книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», в которой рассуждал о значении крови в иудейских ритуалах. Критик Петр Губер отмечал, что политические цели в «деле Бейлиса» Розанов вряд ли преследовал: «Он полагал, что ритуальные убийства действительно существуют в тайниках какой-то мистической еврейской секты. Или, точнее говоря, ему хотелось, чтобы они существовали. Но хотелось не для того, чтобы оправдать угнетение евреев, а потому, что самый факт ритуальных убийств нравился ему. Он был убежден, что это хорошо, что, пожалуй, это даже угодно Богу». По мнению литературоведа Михаила Эдельштейна, осуждения ритуальных убийств у Розанова действительно нет: неслучайно все три понятия в названии скандальной работы («обоняние», «осязание», «кровь») обладают в его философской системе позитивным значением. Писателя скорее раздражало, что евреи, как ему открылось после «дела Бейлиса», сумели сохранить «тайну крови», «Б-гоизбранности», над разгадкой которой он так долго

²⁰ Обвинение евреев в убийстве христиан для использования их крови в ритуальных целях.

бился.

Петр Столыпин в гробу. 1911 год. Убийство Столыпина стало для Розанова поворотным моментом в его отношении к «еврейскому вопросу»²¹

Характерно, что после революции Розанов отказался от всех антисемитских статей и высказываний, написал евреям открытое письмо с извинениями и объявил, что «перешел в еврейство». Такую метаморфозу часто связывают с необхо-

²¹ Петр Столыпин в гробу. 1911 год. Фотография Д. Михайлова. Из открытых источников.

димостью писателя адаптироваться к новому политическому режиму и страхом за свою жизнь, но страх у Розанова наполнен метафизикой и провиденциальным смыслом: «... Я убедился, что жив бог Израилев, – жив и наказует, и убоюсь!»^[22].

О ЧЕМ РОЗАНОВ СПОРИЛ С ЦЕРКОВЬЮ?

Писателя не устраивало отношение Церкви к браку и семейной жизни. Полемика с ней произрастала из личной обиды: именно из-за церковного догматизма Розанов не мог развестись с Аполлинарией Суловой и официально обвенчаться со своей второй женой Варварой Бутягиной. До революции развод получить было очень сложно, он допускался лишь на нескольких основаниях: доказанный факт измены (с показаниями двух или трех свидетелей!), добрачная болезнь, мешающая выполнению супружеских обязанностей, безвестное отсутствие супруга на протяжении пяти лет или лишение супруга прав состояния за тяжкое преступление. Корень такой строгости можно найти в словах Иисуса Христа о разводах:

Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной

прелюбодействует.

Розанов считал этот отрывок из Евангелия (Мф. 19:8–9) доказательством злых намерений Мессии: «Развод дан и существует, очевидно, для не ожесточения нравов. Попробуйте с неприятным человеком жить в одной комнате: и его... в силу невольного сожительства, – Вы возненавидите... <...> ... Запрещением развода Иисус ввел ожесточение мужей на жен, жен на мужей, и как Бог или (по-моему) Темный ангел, знающий будущее, – не мог этого не знать, знал!»^[23]

Вопрос о расторжении брака, впрочем, был лишь спусковым крючком для розановского христорождения: писателю не нравился сам дух Нового Завета, утвердивший вместо семьи воздержание, а вместо жизни – смерть. В Ветхом же Завете Розанов, напротив, видел связь Бога с полом, а значит, и с сакральной сердцевинной жизни человека. По мнению Розанова, самая насущная задача Церкви и всего христианства состояла в том, чтобы вновь «оцеломудрить» пол, вернуть святость семье и браку. Вполне практическое решение этой задачи предлагается в «Опавших листьях»: супруги после венчания, по мысли Розанова, должны жить в храме или при храме до появления первых признаков беременности, то есть зачинать детей непосредственно в лоне Церкви. Андрей Синявский сравнивал эту дерзкую розановскую идею с не менее эксцентричным учением философа Николая Федорова²²,

²² По Федорову, главная задача человечества – подчинить себе природу ради

проповедовавшего идею воскрешения из мертвых: «И федоровская утопия, и утопия Розанова – это как бы возврат к какому-то родовому строю, к утраченному раю на земле. Но у Федорова – через отрицание пола и деторождения, которое будет замещено воскрешением умерших. А у Розанова – через восстановление пола, брака и семьи в их первоначальной религиозной значимости»^[24].

Важно, что именно в «Опавших листьях», как ни в каких других своих книгах, писатель отчаянно пытался примириться с Церковью и Христом. Причина опять же кроется в обстоятельствах его личной жизни: тяжелая болезнь жены и страх ее скорой кончины заставили Розанова искать утешения в христианстве. Чем четче на горизонте вырисовывалась смерть, тем легче ему было принять Христа – ведь именно он, а не ветхозаветный Бог смог дать человеку надежду на спасение. В дальнейшем писатель еще не раз восставал против Церкви, но перед собственной смертью, по свидетельствам очевидцев, ощутил себя человеком истово верующим и превратил последние дни жизни в «сплошную осанну Христу»^[25]. Примечательно, что похоронили Розанова при содействии священника Павла Флоренского на монастырском кладбище, в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

победы над смертью, ради воскрешения всех усопших, причем не в метафорическом смысле, а в самом прямом. Чтобы добиться этого, людям необходимо преодолеть разнь и объединить веру с наукой.

ПОЧЕМУ РОЗАНОВ ПОДДЕРЖИВАЛ ТО РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ТО ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ?

Писатель определенно тяготел к правой печати, большую часть своей карьеры он проработал в газете Алексея Суворина «Новое время» – издание имело репутацию реакционного, а слово «нововременец» в журналистских кругах означало человека беспринципного и даже аморального (одна из многочисленных ругательных рецензий на «Уединенное» и «Опавшие листья» так и называлась – «Обнаженный нововременец»). При этом Розанов подвизался писать и для либерального «Русского слова» издателя Ивана Сытина²³. В общей сложности он сотрудничал с 68 газетами и журналами, не обращая особого внимания на то, кто их издает и какова их политическая направленность. Неудивительно, что современники обвиняли его в идейной неразборчивости и двурушничестве. «Писатель, совершенно лишенный признаков нравственной личности, морального единства и его выражения, стыда», – так отрекомендовал Розанова Петр Струве^[26].

²³ Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934) – издатель. В 1876 году основал литографию для издания лубочных картин, в 1883 году – книжную лавку и книгоиздательское товарищество «И. д. Сытин и К°». Совместно со Львом Толстым организовал издательство «Посредник», в котором в целях народного просвещения печатались недорогие книги, в том числе сочинения Лескова, Гаршина, Короленко. С 1897 по 1917 год Сытин издавал газету «Русское слово». Также издавал популярные лубочные картины, календари, буквари, энциклопедии.

Розанов не стеснялся признавать, что публикуется везде, в первую очередь чтобы содержать большую семью (жена, пятеро детей, падчерица), но на свою «беспринципность» смотрел по-философски: «Я писал однодневные “черные” статьи с “эс-эрными”. И в обеих был убежден. Разве нет 1/100 истины в революции? и 1/100 истины в черносотенстве?» В «Опавших листьях» Розанов объяснял, что с политиками спорить бесполезно, напротив, нужно со всеми ними согласиться и тем самым уничтожить саму политику. Видя, как накануне революции страну раздирают противоречия, он предпочитал воевать не с какими-то конкретными идеологиями, а с идеями вообще. Парадоксально, что именно эта идеологическая неразбериха, призванная, по мысли Розанова, покончить с политической враждой, сама по себе обладала эффектом подложенной под страну бомбы. Философ Георгий Федотов писал, что «думая о Розанове, невольно вспоминаешь распад атома, освобождающий огромное количество энергии. От “Понимания” к “Опавшим листьям”»: не случайно, что вершины своего гения Розанов достигает в максимальной разорванности, распаде “умного” сознания. Розанов одновременно и рождается сам в смерти старой России, и могущественно ускоряет ее гибель. Иной раз кажется, что одного “Уединенного” было бы достаточно, чтобы взорвать Россию».

ПОЧЕМУ РОЗАНОВ ТАК НЕНАВИДЕЛ ЛИТЕРАТУРУ, КОТОРОЙ САМ ЖЕ И ЗАНИМАЛСЯ?

Ему казалось, что литература чересчур самодовольна и лицемерна, что она «прищемила у человека самолюбие». Розанов, мучимый синдромом информационной усталости еще за сто лет до интернета, писал, что хотел бы закрыть все газеты и журналы, избавить мир от журналистов и писателей, уничтожить сам станок Гутенберга, считая, что печать подобна алкоголизму: «Печатная водка. Проклятая водка. Пришло сто гадов и нагадили у меня в мозгу». При этом сам писатель публиковался так активно, что современники упрекали его в «многопечатании». Из статьи Петра Перцова: «Бедняга Василий Васильевич, кажется, согласен был бы печатать свои “Мысли о браке” хотя в “Тургайских Областных Ведомостях” или хоть в преисподней, даже в какой-нибудь тамошней “Адской почте”, только бы печатать»^[27].

Открытие жанра «опавших листьев» для Розанова оказалось способом воссоздать тон догутенберговских рукописей, вернуть книге потерянную интимность, задушевность и выйти за пределы ненавистной ему печати. Свое писательство он всячески пытался очистить от интеллектуального бахвальства, сравнивая его то с физиологией («инстинкт выговаривания»), то с предметами обихода («халат, штаны»).

В «Опавших листьях» Розанову кажется, что он преодолевает литературу, что сама сущность литературы в его сочинениях «разлагается». Но пытаясь разрушить рамки литературы, он в то же время понимал, что литература разрушает рамки его самого: «...Я и думаю, что вообще не рождалось еще человека, у которого сполна все его лицо перешло бы в “литературу”, сполна все бытие улеглось бы в “литературу”. Читатель видит, до чего это не есть “качество”, а просто “есть”»^[28].

Розанов чувствовал отвращение не просто к литературе, а к литературности собственной жизни. Андрей Синявский по этому поводу справедливо замечал, что Розановым «владело чувство “конца” литературы, к которому он подошел. Иногда он радовался этому обстоятельству, а иногда ужасался. Ужасался тому, что этот “конец” литературы был не разрывом с ней, а ее проникновением в такие сферы человеческого бытия и сознания, которые доселе не подлежали литературному осмыслению»^[29]. Одним из доказательств такого пугающего проникновения служат надиктованные дочерям предсмертные тексты писателя, в которых он подробно рассказывал о состояниях умирания. Розанов, при всем отталкивании от литературы, был писателем до самого конца, то есть делал предметом литературы не только всю свою жизнь, но даже собственную смерть.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ХОТЬ ОДНА ТЕМА, В КОТОРОЙ РОЗАНОВ НЕ ПРОТИВОРЕЧИЛ САМ СЕБЕ?

Вряд ли. Розанов мыслил противоречиями и парадоксами. Он постоянно менял точку зрения на предмет, сбивая с толку окружающих, и нисколько этого не стеснялся. Андрей Синявский сравнивал розановское мышление с деревом, ветви которого одновременно растут в разные стороны^[30].

«Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали» – этот один из самых известных розановских афоризмов из «Уединенного» заставил современников сравнивать Розанова с Фридрихом Ницше, очень популярным в России в начале XX века. Как и Розанов, Ницше критиковал христианство, противопоставляя ему дионисийство с его культом телесности и чувственности, громил устоявшуюся мораль, провоцировал, также писал философские трактаты в жанре афоризмов. Однако идея сверхличности и ее безграничной свободы была чужда и даже враждебна Розанову – напротив, символом всей его философской мысли может служить обыкновенный, лишенный какого-либо величия человек. Как писал он в «Опавших листьях», «всем великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся».

яся. Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа)».

Зачастую страдая от противоречивости своей натуры («душа моя какая-то путаница»), писатель именно в ней видел первопричину своих интеллектуальных и духовных открытий. Из розановской статьи «Загадки русской провокации»: «Разница между “честной прямой линией” и лукавыми “кривыми”, как эллипсис и парабола, состоит в том, что по первой летают вороны, а по вторым движутся все небесные светила»^[31].

Дмитрий Галковский писал, что эти «кривые» и создают уникальное непознаваемое пространство розановской прозы, из-за чего каждый из толкователей его творчества вынужден впадать в одну из двух крайностей: либо отстраняться от писателя, сосредотачиваясь на формальностях, либо растворяться в нем без следа^[32]. Розановская литература, на первый взгляд, исключительно эгоцентрична и создавалась вроде бы не для читателя, но вместе с тем именно читатель является ее главным действующим лицом. Галковский сравнивал литературу Розанова с гусеницей, «прогрызающей словесную перегородку между читателем и писателем», но если воспользоваться системой образов самого автора «Опавших листьев», она скорее оплодотворяет «розановщиной» окружающий мир.

Опавшие листья

Опавшие листья

Короб первый

Я думал, что все бессмертно. И пел песни.
Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла.
(три года уже).

* * *

Сильная любовь кого-нибудь одного делает ненужным *лю-*
бовь многих.

~

Даже не интересно...

* * *

Что значит, когда «я умру»?
Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст ее
новому жильцу.
Еще что?
Библиографы будут разбирать мои книги.
А я сам?
Сам? – ничего.

Бюро получит за похороны 60 руб. и в «марте» эти 60 руб. войдут в «итог». Но там уже все сольется тоже с другими похоронами; ни имени, ни воздыхания.

Какие ужасы!

* * *

Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего бессилия, глубокой ограниченности. Молитва — где «я не могу»; где «я могу» — нет молитвы.

* * *

Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют.

«Прибавляет» только теснейшая и редкая симпатия, «душа в душу» и «один ум». Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает.

И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее.

(за утрен. чаем).

* * *

И бегут, бегут все. Куда? зачем?

— Ты спрашиваешь, зачем мировое volo?

Да тут – не волю, а скорее ноги скользят, животы трясутся.
Это скетинг-ринг, а не жизнь.

(на Волково).

* * *

Да. Смерть – это тоже религия. Другая религия.
Никогда не приходило на ум.

Вот арктический полюс. Пелена снега. И ничего нет. Та-
кова смерть.

Смерть – конец. Параллельные линии сошлись. Ну, уткну-
лись друг в друга, и ничего дальше. Ни «самых законов гео-
метрии».

~

Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды два –
ноль».

(смотря на небо в саду).

* * *

Мне 56 лет: и помноженные на ежегодный труд – дают ноль.

Нет, больше: помноженные *на любовь, на надежду* – дают ноль.

Кому этот «ноль» нужен? Неужели Богу? Но тогда кому же? Зачем?

Или неужели сказать, что смерть *сильнее* самого Бога. Но ведь тогда не выйдет ли: *она сама* – Бог? на Божьем месте?

Ужасные вопросы.

Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь.

* * *

Смерть «бабушки» (Ал. Андр. Рудневой) изменила ли что-нибудь в моих соотношениях? Нет. Было жалко. Было больно. Было *грустно за нее*. Но я и «со мною» – ничего не переменилось. Тут, пожалуй, еще больше грусти: как смело «со мною» не перемениться, когда умерла она? Значит, она мне не нужна? Ужасное подозрение. Значит, вещи, *лица* и имеют соотношение, пока живут, но нет соотношения *в них, так сказать, взятых от подошвы до вершины, мета-*

физической подошвы и метафизической вершины? Это *одиночество вещей* еще ужаснее.

Итак, мы с мамой умрем и дети, *погоревав*, останутся жить. В мире ничего не переменится: ужасная перемена настанет только для нас. «Конец», «кончено». Это «кончено» не относительно подробностей, но целого, всего – ужасно.

Я *кончен*. Зачем же я *жил*?!!!

Если бы не любовь «друга» и вся история этой любви, – как обеднилась бы моя жизнь и *личность*. Все было бы пустой идеологией интеллигента. И верно, все скоро оборвалось бы.

...о чем писать?

Все написано *давно* (Лерм.).

Судьба с «другом» открыла мне бесконечность тем, и все запылало личным интересом.

* * *

Как *самые счастливые минуты* в жизни мне припоминаются те, когда я видел (слушал) людей счастливыми. Стаха и Алек. Пет. П-ва, рассказ «друга» о первой любви ее и замужестве (кульминационный пункт моей жизни). Из этого я заключаю, что был рожден *созерцателем*, а не *действователем*.

Я пришел в мир, чтобы *видеть*, а не *совершить*.

* * *

Что же я скажу (на т.с.) Богу о том, что Он послал меня увидеть?

Скажу ли, что мир, Им сотворенный, прекрасен?

Нет.

Что же я скажу?

Б<ог> увидит, что я плачу и молчу, что лицо мое иногда улыбается. Но Он ничего не услышит от меня.

* * *

Я пролетал около тем, но не летел на темы.

Самый полет – вот моя жизнь. Темы – «как во сне».

Одна, другая... много... и все забыл. Забуду к могиле.
На том свете буду без тем.
Бог меня спросит:
– Что же ты сделал?
– Ничего.

* * *

Нужно хорошо «вязать чулок своей жизни», и – не помышлять об остальном. Остальное – в «Судьбе»: и все равно там мы ничего не сделаем, *а свое* («чулок») испортим (через отвлечение внимания).

* * *

Эгоизм – не худ; это – кристалл (твердость, неразрушимость) около «я». И собственно, если бы все «я» были в кристалле, то не было бы хаоса, и, след., «государство» (Левиафан) было бы почти не нужно. Здесь есть 1/1000 правоты в «анархизме»: не нужно «общего», κοινον²⁴: и тогда индивидуальное (главная красота человека и истории) вырастет. Нужно бы взглядеться, что такое «доисторическое существование народов»: по Дрэперу и таким же, это – «троглодиты», так как не имели «всеобщего обязательного обучения» и их

²⁴ Общее (*греч.*).

не объегоривали янки; но по Библии – это был «рай». Стоит же Библия Дрэпера.

(за корректурой).

* * *

Проснулся...

Какие-то звуки... И заботливо прохожу в темном еще утре по комнатам.

С востока – светает.

На клеенчатом диванчике, поджав под длинную ночную рубаху голые ножонки, – сидит Вася и, закинув голову в утро (окно на восток), с книгой в руках твердит сквозь сон:

И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла.
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...

Не дается слово... такая «Америка»; да и как «игла» на улице? И он перевирает:

...светла
Адмиралтейская игла,

Адмиралтейская звезда,
Горит восточная звезда.

– Ты что, Вася?

Перевел на меня умные, всегда у него серьезные глаза.

Плоха память, старается, трудно, – потому и серьезен:

– Повторяю урок.

– Так нужно учить:

Адмиралтейская игла.

Это шпиг такой. В несколько саженой длины, т. е. высоты.

– Шпиг? Что это??

– Э... крыша. Т. е. на крыше. Все равно. Только надо: игла.

Учи, учи, маленькой.

И повернулся. По дому – благополучно. В спину мне слышалось:

Ад-ми-рал-тей-ска-я звезда,
Ад-ми-рал-тей-ска-я игла.

.....

* * *

Не литература, а *литературность* ужасна; литературность души, литературность жизни. То, что всякое *пережи-*

вание переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается, — само *переживание* умерло, нет его. Температура (человека, тела) остыла от слова. Слово не возбуждает, о, нет! оно — расхолаживает и останавливает. Говорю об оригинальном и прекрасном слове, а не о слове «так себе». От этого после «золотых эпох» в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни, ее апатия, вялость, бездарность. Народ делается как сонный, жизнь делается как сонная. Это было и в Риме после Горация, и в Испании после Сервантеса. Но не примеры убедительны, а существенная связь вещей.

Вот почему литературы, в сущности, не нужно: тут прав К. Леонтьев. «Почему, перечисляя славу века, назовут все Гете и Шиллера, а не назовут Веллингтона и Шварценберга». В самом деле, «почему»? Почему «век Николая» был «веком Пушкина, Лермонтова и Гоголя», а не веком Ермолова, Воронцова и как их еще. Даже не знаем. Мы так избалованы книгами, нет — так завалены книгами, что даже не помним полководцев. Ехидно и дальновидно поэты называли полководцев «Скалозубами» и «Бетрищевыми». Но ведь это же односторонность и вранье. Нужна вовсе не «великая литература», а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература мож. быть и «кой-какая», — «на задворках».

Поэтому нет ли провиденциальности, что здесь «все проваливается»? что — не Грибоедов, а Л. Андреев, не Гоголь, — а Бунин и Арцыбашев. Может быть. М.б., мы живем в вели-

ком окончании литературы.

* * *

Листья в движении, но никакого шума. Все обрызгано дождем сквозь солнце. И мамочка сказала:

– Посмотри.

Я глядел и думал то же. Она же думала и сказала:

– Что может быть чище природы...

Она не говорила, но это была ее мысль, которую я продолжал:

– И люди и жизнь их уже не так чисты как природа...

Мамочка сказала:

– Как природа невинна. И как поэтому благородна...

(лет восемь назад в саду).

Когда я прочел это мамочке, она сказала:

– Это было года четыре назад.

Это еще было до болезни, но она забыла: тому – лет восемь. Она прибавила:

– Ты теперь несчастен, и потому вспоминаешь о том, когда мы были счастливы.

Прихрамывая, несет полотняные туфли, потому что сапоги я снял и по ошибке поставил торжественно перед собою на перильцах балкона («куда-нибудь»).

И все хромает.

И все помогает.

– Как было нехорошо вчера без тебя. Припадок. Даже лед на голову клала (крайне редкое средство).

* * *

Иду. Иду. Иду. Иду...

И где кончится мой путь – не знаю.

~

И не интересуюсь. Что-то стихийное и нечеловеческое. Скорее «несет», а не иду. Ноги волочатся. И срывает меня с каждого места, где стоял.

(окружной суд, об «Уединен<ном>»).

* * *

После книгопечатания любовь стала невозможной.
Какая же любовь «с книгою»?

(собираясь на именины).

* * *

Сказать, что Шперка *теперь совсем нет на свете* – невозможно. Там, М.б., в платоновском смысле «бессмертие души» – и ошибочно: но для моих друзей оно ни в коем случае не ошибочно.

И не то, чтобы «душа Шперка – бессмертна»: а его борода рыжая не могла умереть. «Бызов» его (такой приятель был) дожидается у ворот, и сам он на конке – направляется ко мне на Павловскую. Все как было. А «душа» его «бессмертна» ли: и – не знаю, и – не интересуюсь.

Все бессмертно. Вечно и живо. До дырочки на сапоге, которая и не расширяется, и не «заплатывается» с тех пор, как была. Это лучше «бессмертия души», которое сухо и отвлеченно.

Я хочу «на тот свет» прийти с носовым платком. Ни чуточки меньше.

(16 мая 1912 г.).

* * *

Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Со-

ловьева и Рачинского. Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю самой души. Пытая, кажется, нахожу главный источник по крайней мере холодности и какого-то безучастия к ним (странно сказать) – в «сословном разделении».

Соловьев если не был аристократ, то все равно был «в славе» (в «излишней славе»). Мне твердо известно, что тут – не зависть («мне все равно»). Но говоря с Рачинским *об одних мыслях* и будучи *одних взглядов* (на церковн. школу), – я помню, что все им говоримое было *мне чужое*; и то же – с Соловьевым, то же – с Толстым. Я мог ими всеми тремя *любоваться* (и любовался), ценить их деятельность (и ценил), но никогда их *почему-то* не мог любить, не только много, но и ни капельки. Последняя собака, раздавленная трамваем, вызывала большее движение души, чем их «философия» и «публицистика» (устно). Эта «раздавленная собака», пожалуй, кое-что объясняет. Во всех трех не было абсолютно никакой «раздавленности», напротив, сами они весьма и весьма «давили» (полемика, враги и пр.). Толстой ставит то «3», то «1» Гоголю: приятное самооболащивание. Все три вот и были самооболащены: и от этого не хотелось их ни любить, ни с ними «водиться» (знаться). «Ну, и успевайте, господа, – мое дело сторона». С детства мне было страшно врождено сострадание: и на этот главный пафос души во всех трех я не находил никакого объекта, никакого для себя «предмета». Как я любил и люблю Страхова, любил и люблю К. Леонтьева; не говоря о «мелочах жизни», которые люблю безмерно.

Почти нашел разгадку: любить можно то, или – того, о ком сердце болит. О всех трех не было никакой причины «душе болеть», и от этого я их не любил.

«Сословное разделение»: я это чувствовал с Рачинским. Всегда было «все равно», что бы он ни говорил; как и о себе я чувствовал, что Рачинскому было «все равно», что *у меня в душе*, и он таким же отдаленным любленьем любил мои писания (он их любил, – по-видимому). Тут именно сословная страшная разница; другой мир, «другая кожа», «другая шкура». Но нельзя ничего понять, если припишешь зависти (было бы слишком просто): тут именно *непонимание* в смысле невозможности усвоения. «Весь мир другой: – *его* и – *мой*». С Рцы (дворянин) мы понимали же друг друга с ½ слова, с намек; но он был беден, как и я, «ненужен в мире», как и я (себя чувствовал). Вот эта «ненужность», «отшвырнутость» от мира ужасно соединяет, и «страшно все сразу становится понятно»; и люди не на словах становятся братья.

История не есть ли чудовищное *другое* лицо, которое проглатывает людей *себе в пищу*, нисколько не думая о их счастье. Не интересуясь им? Не есть ли мы – «я» в «Я»?

Как все страшно и безжалостно устроено.

(в лесу).

* * *

Есть ли жалость в мире? Красота – да, смысл – да. Но жалость?

Звезды жалеют ли? Мать – жалеет: и да будет она выше звезд.

(в лесу).

* * *

Жалость – в маленьком. Вот почему я люблю маленькое.

(в лесу).

* * *

Писательство есть Рок. Писательство есть *fatum*. Писательство есть несчастье.

(3 мая 1912 г.).

...и может быть, только от этого писателей нельзя судить Страшным судом... *Строгим-то* их все-таки следует су-

ДИТЬ.

(4 мая 1912 г.).

* * *

1 р. 50 к.

– Я тебе, деточка, переложу подушку к ногам. А то от горячей печи голова разболится.

– Хорошо, папа. Но поставь стул (к изголовью).

Поставил.

И улыбаясь поднялась и, вынув что-то из-под подушки, бросила на решетку стула серебряный рубль.

– Я буду на него смотреть.

Я уже догадался: «рубль» мамочка дала, чтобы было «терпеливее» лежать.

Больна. 11 или 12 лет.

Варя в саду так и старается. Метлой больше себя сметает по дорожкам и перед балконом листья, бумажки и всякий сор – чтобы бросить в яму.

– Хорошо, Варя.

Подняла голову. Вся красивая. Волосы как лен. Огромные серые глаза, с прелестью вечного недоумения в них, подпольного проказничества и смелости. И чудный (от работы) румянец на щеках.

13 лет.

Это она зарабатывает свой полтинник. Больная мама говорит мне с кушетки:

– Ну, все-таки и моцион на воздухе.

Трем удовольствие, и всего обошлось в 1 р. 50 к.

Варю Таня (старшая, с нею в одной школе) зовет «белый коняшка» или «белый конек». Она в самом деле похожа на жеребеночка. Вся большая, веселая, энергичная, – и от белых волос и белого цвета кожи ее прозвали «белым конем».

Это когда-то давно-давно, когда все были крошечные и в училища еще ни одна не поступала, – я купил, увидя на окне кондитерской на Знаменской (была Страстная неделя) зверьков из папье-маше. Купил слона, жирафу и зебру. И принес домой, вынул «секретно» из-под пальто и сказал:

– Выбирайте себе по одному, но такого зверя, чтобы он был похож на взявшего.

Они, минуто смотря, схватили:

Толстеньякая и добренькая Вера, с милой улыбкой

– СЛОНА.

Зебру, – шея дугой и белесоватая щетинка на шее торчит

кверху (как у нее стриженные волосы)

– *ВАРЯ.*

А тонкая, с желтовато-блеклыми пятнышками, вся сжатая и стройная жирафа, досталась

– *ТАНЕ.*

Все дети были похожи именно на этих животных, – и в кондитерской я оттого и купил их, что меня поразило сходство по типу, по духу.

Еще было давно: я купил мохнатую собачонку, пуделя. И не говоря ничего дома, положил под подушку Вере, во время вечернего чая. Когда она пошла спать, то я стал около лестницы, отделенной лишь досчатой стеной от их комнаты. Слышу:

– Ай!

– Ай! Ай! Ай!

– Что́ это такое? Что́ это такое?

Я прошел к себе. Не сказал ничего, ни сегодня, ни завтра. И на слова: «не ты ли положил», отвечал что-то грубо и равнодушно. Так она и не узнала, как, что и откуда.

* * *

Толстой был гениален, но не умен. А при всякой гениальности ум все-таки «не мешает».

* * *

Ум, положим, – мещанинишко, а без «третьего элемента» все-таки не проживешь.

Надо ходить в чищенных сапогах; надо, чтобы кто-то сшил платье. «Илья-пророк» все-таки имел милость, и ее сшил какой-нибудь портной.

Самое презрение к уму (мистики), т. е. мещанину, имеет что-то *на самом конце своем* – мещанское. «Я такой барин» или «пророк», что «не подаю руки этой чуйке». – Сказавший или подумавший так *eo ipso*²⁵ обращается в псевдобарина и лжепророка.

Настоящее *господство над умом* должно быть совершенно глубоким, совершенно в себе запрятанным; это должно быть субъективной тайной. Пусть Спенсер чванится перед Паскалем. Паскаль должен даже время от времени называть Спенсера «вашим превосходительством», – и вообще не подавать никакого вида о настоящей мере Спенсера.

²⁵ Тем самым (*лат.*).

* * *

Мож. быть, я расхожусь не с человеком, а только с литературой? Разойтись с человеком страшно. С литературой – ничего особенного.

* * *

Левин верно упрекает меня в «эгоизме». Конечно – это *есть*. И даже именно от этого я и писал (пишу) «Уед.»: писал (пишу) в глубокой тоске как-нибудь разорвать кольцо уединения... Это именно кольцо, надетое с рождения.

Из-за него я и кричу: вот что *здесь*, пусть – *узнают*, если уже невозможно ни увидеть, ни осязать, ни прийти на помощь.

Как утонувший, на дне глубокого колодца, кричал бы людям «там», «на земле».

* * *

Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рывины.
– Что это? – ремонт мостовой?
– Нет, это «Сочинения Розанова». И по железным рельсам несется уверенно трамвай.

(на Невском, ремонт).

* * *

Много есть прекрасного в России, 17-е октября, конституция, как спит Иван Павлыч. Но лучше всего в Чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника – разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери.

И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие.

И лавка небольшая. Всё дерево. По-русски. И покупатель – серьезный и озабоченный, – в благородном подъеме к труду и воздержанию.

~

Вечером пришли секунданты на дуэль. Едва отделался.

~

В Чистый понедельник грибные и рыбные лавки первые в торговле, первые в смысле и даже в истории. Грибная лав-

ка в Чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского.

(первый день Великого Поста).

* * *

25-летний юбилей Корецкого. Приглашение. Не пошел. Справили. Отчет в «Нов<ом> Вр<емени>».

Кто знает поэта Корецкого? Никто. Издателя-редактора? Кто у него сотрудничает?

Очевидно, гг. писатели идут «поздравлять» всюду, где поставлена семга на стол.

Бедные писатели. Я боюсь, правительство когда-нибудь догадается вместо «всех свобод» поставить густые ряды столов с «беломорскою семгою». «Большинство голосов» придет, придет «равное, тайное, всеобщее голосование». Откупают. Поблагодарят. И я не знаю, удобно ли будет после «благодарности» требовать чего-нибудь. Так Иловайский не предвидел, что великая ставка свободы в России зависит от многих причин и еще от одной маленькой: улова семги в Белом море.

2

«Дорого да сердито...» Тут наоборот – «не дорого и не

сердито».

(март, 1912 г.).

* * *

Из каждой страницы Вейнингера слышится крик: «*Я люблю мужчин!*» – «Ну, что же: ты – *содомит*». И на этом можно закрыть книгу.

Она вся сплетена из volo и scio²⁶: его scio – гениально, по крайней мере где *касается обзора природы*. Женским глазом он уловил тысячи дотоле незаметных подробностей; даже заметил, что «кормление ребенка возбуждает женщину». (Отсюда собственно и происходит вечное «перекармливание» кормилицами и матерями и последующее заболевание у младенцев желудка, с которым «нет справки».)

– «Фу, какая баба!» – «Точно ты *сам кормил ребенка*, или хотел его выкормить!»

«Женщина бесконечно благодарна мужчине за совокупление, и когда в нее втекает мужское семя, то это – кульминационная точка ее существования». Это он не повторяет, а утверждает в своей книге. Можно погрозить пальчиком: «Не выдавай тайны, баба! Скрой тщательнее свои грезы!!» Он говорит *о всех женщинах*, как бы они были все его соперницами, – с этим же раздражением. Но женщины вели-

²⁶ Знаю (лат.).

кодушнее. Имея каждая своего верного мужа, они нимало не претендуют на уличных самцов, и оставляют на долю Вейнингера совершенно достаточно брюк.

Ревнование (мужчин) к женщинам заставило его ненавидеть «соперниц». С тем вместе он полон глубочайшей нравственной тоски: и в ней раскрыл глубокую нравственность женщин, – которую в ревности отрицает. Он перешел в христианство: как и вообще женщины (св. Ольга, св. Клотильда, св. Берта) первые приняли христианство. Напротив, евреев он ненавидит: и опять – потому, что ^{они}/_{онѣ} суть его «соперницы» (бабья натура евреев, – моя *idée fixe*).

* * *

Наш Иван Павлович врожденный священник, но не посвящается. Много заботы. И пока остается учителем семинарии.

Он всегда немного дремлет. И если ему дать выдрематься – он становится веселее. А если разбудить, становится раздражен. Но не очень и не долго.

У него жена – через 8 лет брака – стала «в таком положении». Он ужасно сконфузился, и написал предупредительно всем знакомым, чтобы не приходили. «Жена несколько нездорова, а когда выздоровеет – я извещу».

Она умерла. Он написал в письме: «Царство ей Небесное.

Там ей лучше».

Так кончаются наши «священные истории». Очень коротко.

(за чаем вспомнил).

* * *

Мертвая страна, мертвая страна, мертвая страна.
Все недвижимо, и никакая мысль не прививается.

(24 марта, 1912 г., купив 3 места на Волковом <кладбище>).

* * *

У Нины Р-вой (плем.) подруга: вся погружена в историю, космографию. Видна. Красива. Хороший рост. Я и спрашиваю:

– Что самое прекрасное в мужчине?

Она вдохновенно подняла голову:

– *Сила!*

(на побывке в Москве).

* * *

Никогда, никогда не порадуетса священник «плоду чре-

ва».

Никогда.

Никогда *ex cathedra*²⁷, а разве приватно.

А между тем есть нумизмат Б. (он производит себя от Александра Бала, царя Сирии), у которого я увидел бронзовую *Faustina jun.*, с резервом (изображение на обратной стороне монеты): женщина держит на руках двух младенцев, а у ног ее держатся за подол тоже два – побольше – ребенка. Надпись кругом.

FECVNKITAS AWGUSTAE

т. е.

ЧАДОРОДИЕ ЦАРИЦЫ.

Я был так поражен красотой этого смысла, что тотчас купил. «Торговая монета», орудие обмена, в руках у всех, у торговков, проституток, мясников, франтов, в Тибуре и на Капитолии: и вдруг императрица Фаустина (жена Марка Аврелия), такая видная, такая царственная (портрет на лицевой стороне монеты), точно вываливает беременный живот на руки «доброго народа Римского», говоря:

«— Радуйтесь, я еще родила: теперь у меня – четверо».

Все это я выразил вслух, и старик Б., хитрый и остроумный, тотчас крикнул жену свою: вышла пышная большая дама, лет на 20 моложе Б., и я стал ей показывать монету, кажется забыв немножко, что она «дама». Но она (гречан-

²⁷ Во всеуслышание (*лат.*).

ка, как и он) сейчас поняла и стала с сочувствием слушать, а когда я ее деликатно упрекнул, что «вот у нее небойсь – нет четверых», – она с живостью ответила:

– Нет, ровно четверо: моряк, студент и дочь...

Но она моментально вышла и ввела дочь, такую же красавицу, как сама. Этой я ничего не сказал (барышня), и она скоро вышла.

Вхожу через два года, отдать Б. долгишко (рублей 70) за монеты. Постарел старик, и жена чуть-чуть постарела. Говорю ей:

– Уговорите мужа, он совсем стар, упомянуть в духовном завещании, что он дарит мне тетрадрахму Маронеи с Дионисом, держащим два тирса (трости) и кисть винограда (руб. 25) и тетрадрахму Триполиса (в Финикии, а Маронея – во Фракии) с головою Диоскуров (около ста рублей). – Б. кричит:

– Ах, вы... Я – вас переживу!

– Куда, вы весь седой. Состояние у вас большое, и что вам две монеты, стоимостью в 125 р., детям же они очевидно не нужны, потому что это специальность. А что дочь?

– Вышла замуж!!

– Вышла замуж?! Это добродетельно. И...

– И уже сын, – сказала счастливая бабушка.

Она была очень хороша. Пышна. И именно как Фаустина. Ни чуточки одряхления или старости, «склонения долу»; Б., хоть весь белый, жив и юрок, как сороконожка. Уверен, са-

мое проницательное и «нужное» лицо в своем министерстве.

Вот такого как бы «баюкания куретами младенца Диониса» (миф, – есть на монетах), свободного, без сала, но с шутками и любящего, – нет, не было, не будет возле одежд с позументами, слишком официальных и торжественных, чтобы снизойти до пеленок, кровати и спальни.

Отсюда такое недоумение и взрыв ярости, когда я предложил на Религиозно-Философских собраниях, чтобы новобрачным первое время после венчания предоставлено было оставаться там, где они и повенчались; потому что я читал у Андрея Печерского, как в прекрасной церемонии постригаемая в монашество девушка проводит в моленной (церковь старообрядческая) трое суток, и ей приносят туда еду и питье. «Что монахам – то и семейным, равная честь и равный обряд» – моя мысль. Это – о провождении в священном месте нескольких суток новобрачия, суток трех, суток семи, – я повторил потом (передавая о предложении в Рел. – Фил. собрании) и в «Нов. Вр.». Уединение в место молитвы, при мерцающих образах, немногих зажженных лампадах, без людей, без посторонних, без чужих глаз, без чужих ушей... какие все это может родить думы, впечатления! И как бы эти переживания протянулись длинной полосой тихого религиозного света в начинающуюся и уже начавшуюся

юся супружескую жизнь, — начавшуюся именно *здесь в Доме молитвы*. Здесь невольно приходили бы первые «предзнаменования», — приметы, признаки, как у *vates* древности. И кто еще так нуждается во всем этом, как не тревожно вступившие в самую важную и самую ценную, — самую сладкую, но и самую опасную, — связь. Антоний Храповицкий все это представил совершенно не так, как мне представлялось в тот поистине час ясновидения, когда я сказал предложенное. Мне представлялась ночь, и половина храма с открытым куполом, *под звездами*, среди которого поднимаются небольшие деревца и цветы, посаженные в почву по дорожкам, откуда вынуты половицы пола и насыпана черная земля. Вот тут-то, среди цветов и дерев и под звездами, *в природе* и вместе с тем *во храме*, юные проводят неделю, две, три, четыре... Это — как бы летняя часть храма, в отличие от зимней, «теплой» (у нас на севере). Конечно, все это преимущественно осуществимо на юге: но ведь во владениях России есть и юг. Что же еще? Они остаются здесь до ясно обозначившейся беременности. Здесь — и бассейн. Ведь в ветхозаветном храме был же бассейн для погружения священников и первосвященника, — «каменное море», утвержденное на спинах двенадцати изваянных быков. Почему эту подробность ветхозаветного культа не внести в наши церкви, где есть же ветхозаветный «занавес», где читаются «паремии», т. е. извлечения из ветхозаветных книг. И вообще со Священным Писанием Ветхого Завета у нас не разрыва-

но. Да и в Новом Завете... Разве мы не читаем там, разве на богослужении нашем не возглашается: «Говорю вам, что *Царствие Божие подобно Чертогу Брачному...*» «Чертогу брачному»!! – конечно это не в смысле танцующей вечеринки гостей, которая не отличается от всяких других вечеринок и к браку никакого отношения не имеет, а в смысле – комнаты двух новобрачных, в смысле их опочивальни. Ужели же то, с чем *сравнена самая суть того, о чем учил Спаситель (Царствие Божие)*, – неужели это низко, грязно и недостойно того, чтобы мы часть церкви своей приспособили, – украсив деревьями, цветами и бассейном, – к этому образу в устах Спасителя?! Внести в нашу церковь *Чертог брачный* – и была моя мысль. Нет, верно указание Рцы, много раз им повторенное (а он ли не религиозен и не предан православию, взяв самый псевдоним свой от диаконского «рцы», «рцем»), что «*тесто еще не взошло* (евангельская притча) и закваска (дрожжи) *не овладела всею мукою, всыпанною в сосуд*». Эта «мука, всыпанная в сосуд», – есть вся наша жизнь. *Весь наш быт*. Вот этим бытом еще не овладели вполне «дрожжи», евангельская «закваска», т. е. Слово Божие, целые Божии притчи, образы, сравнения!!! Позвольте: да в церкви Смоленского кладбища я, хороня старшую Надю, видел комнату с вывеской над дверью: «*Контора*»; какого имени и какового смысла с *утвердительным* значением нигде нет в Евангелии. Позвольте, скажите вы, владыка Антоний, – почему же «Контора» выше и священнее «Черто-

га брачного», *о котором, и не раз*, Спаситель говорил любяще и уважительно. И если внесена сейчас «Контора» в храмы, не обезобразив и не загрязнив их, то почему это храмы наши загрязнились бы через внесение в них нареченных с любовью Спасителем Чертогов брачных?! – конечно, не одного, а многих, потому что в течение 2–3-х месяцев до беременности вот этой молодой, положим, Марии, повенчается еще много следующих Лиз и Екатерин. Подобное внесение просто лишь «непривычно», мы не привыкли «видеть». Но «мы не привыкли» и «ересь» – это разница. При этом, разумеется, никаких актов (как предположил же еп. Антоний!!!) *на виду* не будет, так как после грехопадения всему этому указано быть в *тайне и сокровении* («кожаные препоясания»); и именно для воспоминания об этом потрясающем законе отдельные чертоги (в нишах стен? возле стен? позади хоров?) *должны быть завешены именно кожами, шкурами зверей*, имея открытым лишь верх для соединения с воздухом храма. Как было не понять моей мысли: раз все здесь – религия, то, конечно, все должно быть деликатно и не оскорбительно для взора и для ума. Все – именно так, как и привыкли в супружестве: где чистейшие семьи и благороднейшие дома, напр., дома священников, не оскверняются сами и не оскорбляют ни взора, ни ума тем, что в них оплодотворяются и множатся, а при замужестве дочери («взяли зятя в семью») оплодотворяются и множатся родители и дети. Почему же не к такой семье, почему именно к *одинокой квар-*

тире ректора-архимандрита должен быть придвинут по образу, по типу и по духу наш православный храм, в котором молитвенников-семьянинов конечно больше, нежели холостых или вдовствующих!!!???

Непонятно – у Храповицкого.

А моя мысль – совершенно понятна.

* * *

Совершенства нет на земле...

Даже и совершенной церкви...

(ужасное по греху письмо Альбова).

* * *

Мед и розы...

И в розе – младенец.

«Бог послал», говорит мир.

– «Нет», говорят старцы-законники: – «от лукавого».

Но мир уже перестал им верить.

(в клинике Ел<ены> Павл<овны>).

В невыразимых слезах хочется передать все просто и грубо, унижая милый предмет: хотя в смысле *напора* – сравнение точно:

Рот переполнен слюной, – нельзя выплюнуть. Можно попасть в старцев.

Человек ест дни, недели, месяцы: нельзя сходить «кой-куда», – нужно все держать в себе...

Пил, пьешь – и опять нельзя никуда «сходить»...

Вот – девство.

– Я задыхаюсь! Меня распирает!

«– Нельзя».

Вот монашество.

Что же такое делает оно? Как могло оно получить от земли, от страны, от законов санкцию себе не как личному и исключительному явлению, а как некоторой норме и правилу, как «образцу христианского жития», если его суть – просто никуда «не ходи», когда желудок, кишки, все внутренности расперты и мозг отравлен мочевиною, всасывающейся в кровь, когда желудок отравлен птомаинами, когда начинается некроз тканей всего организма.

– Не могу!!!!

«– Нельзя!»

– Умираю!!!!

«— Умирай!»

Неужели, неужели это истина? Неужели это религиозная истина? Неужели это — Божеская правда на земле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Русская мысль. 1912. № 5. Отд. III. С. 29.

2.

Синявский А. «Опавшие листья» В. В. Розанова. – Париж: Синтаксис, 1982. С. 119.

3.

Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 29. Литературные изгнанники. Книга вторая: П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 293.

4.

Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 10: Петербургский буерак. – М., 2003. С. 221.

5.

Там же. С. 313.

6.

В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 т. / Сост., вступ. статья и прим. В. А. Фатеева. – СПб.: Изд-во Российского христианского

гуманитарного института, 1995. С. 181.

7.

Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 / Вступ. статья, публ. и коммент. В. Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С. 238.

8.

Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. – М.: Л., 1963. С. 417.

9.

Розанов В. В. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. Сахарна. – М.: Республика, 1998. С. 257–258.

10.

Цит. по: Голлербах Э. Встречи и впечатления. – СПб.: Инапресс, 1998. С. 74–75.

11.

Синявский А. Указ. соч. С. 109.

12.

Голлербах Э. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-Press, 1976. С. 66–67.

13.

Розанов В. В. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. С. 267.

14.

Там же. С. 223.

15.

Гиппиус З. Н. Живые лица: Воспоминания / Сост., предисл. и коммент. Е. Я. Курганова. – Тбилиси: Мерани, 1991. С. 103.

16.

Розанова Т. В. «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В. В. Розанове) / Предисл. и сост. А. Н. Богословского. – М.: Blue Apple, 1999. С. 156.

17.

Розанов В. В. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. С. 365.

18.

Там же. Т. 29. С. 275.

19.

Там же. С. 368, 370.

20.

Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. С. 225.

21.

Там же. С. 232.

22.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые. – М.: Республика, 2000. С. 185.

23.

Розанов В. В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. С. 201–202.

24.

Синявский А. Указ. соч.

25.

Голлербах Э. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. С. 74.

26.

Русская мысль. 1911. № 11. Отд. II. С. 138–146.

27.

Перцов П. Эквилибристика В. В. Розанова // Русский труд. 1899. № 45.

28.

Розанов В. В. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. С. 225.

29.

Синявский А. Указ. соч. С. 126.

30.

Там же.

31.

Розанов В. В. Загадки русской провокации: статьи и очерки 1910 г. – М.: Республика, 2005.

32.

Галковский Д. Е. Бесконечный тупик: В 2 кн. Изд. 3-е, исправ. и доп. – М.: Изд-во Дмитрия Галковского, 2008. С. 1.